

Ли Гуйсян с несколькими женщинами собрались под деревом и время от времени косились в сторону овощного прилавка.

Даже не слыша разговора, Чжан Бэйтин мог догадаться, о ком они сплетничают.

Хэ Хай тоже заметил их. Скривился, словно хотел что-то сказать.

— Не обращай внимания, — остановил его Чжан Бэйтин.

Если люди просто шепчутся за спиной и ничего не устраивают, не побежишь же к ним требовать молчать.

Но если начнут распространять что-нибудь серьёзное или полезут прямо к нему — тогда другое дело.

Раз Бэйтин сказал не обращать внимания, Хэ Хай сменил тему.

— Кстати, брат Чжан, утром я видел Янь-гэ возле пристани. А ты почему с ним не пошёл?

Обычно эти двое даже овощи покупали вместе. Хэ Хай не ожидал, что брат Чжан отпустит Янь-гэ одного так рано.

Рука Чжан Бэйтина, выбиравшая зелень, едва заметно остановилась.

Он почти шутливо спросил:

— А ты у самого Яньцина не спросил?

— Он очень спешил. По-моему, даже меня не заметил.

— Вот как... — Чжан Бэйтин кивнул. — У меня дома были дела, поэтому вместе не пошёл.

Это была обычная болтовня, и Хэ Хай, разумеется, не стал выяснять, что именно за дела.

Чжан Бэйтин вернулся домой.

Тесто, которое он замесил перед выходом, уже как следует отлежалось.

Он привычно раскатал пласт, нарезал лапшу — но воду ставить не стал.

Вместо этого вынес табурет под виноградную беседку и сел, уставившись в пустоту.

Утром Сун Яньцин сказал, что собирается на могилу матери.

Насколько знал Чжан Бэйтин, почти все кладбища Юньяна находились к западу от города.

А пристань — на юге.

Может, Хэ Хай просто ошибся?

Так он просидел до начала часа Сы.

Наконец створка ворот скрипнула.

Чжан Бэйтин тут же поднялся. Он сам не заметил, насколько поспешным получилось движение.

На пороге стоял Сун Яньцин.

Лицо покраснелось от солнца, волосы немного растрепались, а за спиной висела корзина, доверху набитая хворостом.

— Ты ещё и дрова собирал? — Чжан Бэйтин быстро подошёл.

Сун Яньцин закрыл ворота, дошёл до тени под беседкой и только там позволил помочь снять корзину.

Стоило им приблизиться, как Чжан Бэйтин ощутил жар, исходивший от его тела после долгого пребывания на солнце.

Он тут же схватил веер.

— Сядь и отдохни. Я воды принесу.

Сун Яньцин остался сидеть на корточках возле снятой корзины. Голову не поднимал.

— Я не ходил на могилу матери.

Чжан Бэйтин ответил спокойно:

— В следующий раз пойдём вместе.

Помолчал и добавил:

— И больше не собирай дрова в такую жару.

Смотреть на его раскрасневшееся лицо было тяжело.

— Это не дрова.

Сун Яньцин снял верхний слой веток.

Под ними лежали широкие банановые листья.

Он отогнул их — и внутри открылась плотно утрамбованная корзина плодов никандры.

Чжан Бэйтин замер.

— Ты ходил собирать плоды для бинфэня?

— Угу.

Сун Яньцин поднял голову.

Краснота от солнца ещё не сошла, а красивые ясные глаза смотрели прямо на Чжан Бэйтина.

У того сердце мгновенно размякло.

— Почему меня не позвал?

— Я видел их там два года назад и не был уверен, что в этом году они тоже выросли. Поэтому сначала решил проверить один.

Если ничего не найдётся, лучше уж напрасно сходит один человек, чем двое.

— В следующий раз пойдём вместе.

Чжан Бэйтин протянул руку, собираясь стереть каплю пота с его виска.

Почти коснувшись кожи, понял, что голой ладонью только размажет влагу. Рука чуть сместилась и вместо этого убрала за ухо прядь, прилипшую к лицу Сун Яньцина.

Тот застыл.

Он покраснел ещё сильнее.

— Я... умоюсь.

Бросив это, Сун Яньцин поспешно ушёл.

Чжан Бэйтин тихо улыбнулся, опустил руку и отправился на кухню готовить завтрак.

Лапша уже была нарезана.

Пока закипала вода, он поджарил два яйца и процедил вчерашний рыбный бульон.

Сварил лапшу, быстро обдал кипятком несколько крепких зелёных листьев, сверху положил по золотистому жареному яйцу и посыпал мелко нарезанным зелёным луком.

Когда Сун Яньцин умылся, причесался и переоделся, Чжан Бэйтин уже ждал его в главном зале.

Увидев две миски, Сун Яньцин удивился:

— Ты ещё не завтракал?

— Ты тоже.

— Но это другое, — торопливо возразил Сун Яньцин.

Чжан Бэйтин и без того был слабым. А он сам привык: один раз не поесть — ничего страшного.

— Ничем не другое, — медленно сказал Чжан Бэйтин. — Тебе важно, ел ли я утром. А мне точно так же важно, не голодал ли ты и не изжарился ли на солнце, пока был снаружи.

Слова «мне тоже важно» лишили Сун Яньцина возможности возразить.

В глазах внезапно защипало.

За все годы в семье Сун всем было всё равно, что с ним происходит, пока он способен работать.

Даже если бы он умер где-нибудь за воротами, это едва ли кого-нибудь беспокоило бы.

Корзина плодов, которую Сун Яньцин принёс утром, весила больше десяти цзиней — запаса хватало на несколько дней торговли.

Теперь они ещё и знали место, где никандра растёт, так что позже можно будет сходить снова.

Казалось бы, семян больше не нужно экономить, а вчерашняя торговля показала отличный спрос. Сегодня стоило приготовить намного больше.

Но Чжан Бэйтин, отвечивая сырьё, добавил всего половину цзиня.

Готового бинфэня получилось примерно на тридцать мисок больше, чем вчера.

Сун Яньцин не совсем понимал почему.

Семена ничего не стоили. Нужно было только приложить силу, а силы у него хватало.

Известковая вода стоила практически ничего. Сироп, кунжут, арахис и прочие добавки за день не портились — остатки можно использовать завтра.

Чжан Бэйтин заметил его выражение лица.

— Думаешь, я приготовил мало?

Сун Яньцин кивнул и сразу добавил:

— Но у тебя наверняка есть причина, о которой я не знаю.

Чжан Бэйтин рассмеялся.

Не объясняя напрямую, спросил:

— Представь, что ты покупатель. Есть еда, которая тебе очень понравилась, но если прийти поздно — её уже не будет. Что сделаешь?

Сун Яньцин немного подумал и сразу понял.

Если боишься остаться без неё — постарайся прийти пораньше.

А если знаешь, что в любое время всё будет в наличии, срочности нет.

Можно забыть.

Или отвлечься на другое дело.

Чем труднее что-то купить, тем сильнее людям хочется это получить и тем охотнее они рассказывают об этом знакомым.

Чжан Бэйтин хотел не просто продавать десерт.

Он хотел сделать их маленький прилавок известным.

Как и вчера, они вышли ближе к концу часа Шэнь.

Сегодня добавилось несколько сосудов с начинками, и в тележку всё уже не помещалось. Чжан Бэйтин попросил Сун Яньцина нести кувшин с сиропом, а сам взялся за ручки.

На полпути руки начали слабеть.

Бинфэня стало на треть больше.

Он и правда весил очень много.

Сун Яньцин сказал:

— Давай я немного потолкаю. Я ещё ни разу эту тележку не пробовал.

Вчера по дороге туда помогал Хэ Хай, а обратно груз уже стал лёгким, и Чжан Бэйтин не позволил Сун Яньцину братья за тележку.

Так что формально тот действительно её ещё не катал.

Но предложение прозвучало именно сейчас.

Чжан Бэйтин в душе мог сказать только одно:

Яньцин, какой же ты хороший!

Когда они подошли к постоялому двору, возле вчерашнего места уже ждало немало людей.

Чжан Бэйтин невольно остановился.

И в следующую секунду кто-то с силой ударил его в левый локоть.

Он пошатнулся, сделал несколько шагов вперёд, а кувшин в руках качнулся — значительная часть сиропа выплеснулась.

Покупатели, ожидавшие открытия прилавка, дружно ахнули, словно на их глазах перевернули только что приготовленное блюдо из собственного дома.

Чжан Бэйтин выпрямился и обернулся.

На месте, где он только что стоял, оказался худой загорелый мальчишка лет десяти с большим деревянным ведром. Внутри плескалось больше половины ведра мелких речных улиток.

Похоже, он тоже пришёл сюда торговать.

Их взгляды встретились.

Мальчик понял, что натворил, испугался — а затем подхватил ведро и со всех ног умчался.

Так быстро, что оставалось только восхититься скоростью.

Чжан Бэйтин посмотрел в кувшин.

Сиропа осталось примерно половина.

Он вздохнул.

— Сначала поставим прилавок.

Люди уже ждали.

Сун Яньцин предложил:

— Как всё разложим, я вернусь домой и сварю ещё.

— Другого выхода нет.

Сироп и бинфэнь были рассчитаны в определённой пропорции. Половины точно не хватит.

Едва они расставили всё на местах, покупатели почти разом ринулись к прилавку.

Все ведь видели, сколько сиропа пролилось.

А вдруг именно до их очереди сладкого не останется?

Чжан Бэйтин поспешил успокоить:

— Не торопитесь! Сегодня бинфэня больше, чем вчера. Сироп, который пролился, сейчас сварим заново и принесём.

Люди немного успокоились, особенно когда увидели, что Сун Яньцин действительно ушёл домой сразу после раскладки.

Те, кто уже ел здесь вчера, заметили несколько новых сосудов на скамье рядом с сиропом.

В одном лежали маленькие рисовые шарики, в других — кунжут и прочие добавки.

— Сегодня ещё и рисовые шарики продаёте? — спросил кто-то.

— Это добавки к бинфэню, — объяснил Чжан Бэйтин. — Маленькие таньюани, кунжут, дроблёный арахис и уксус. Можно выбирать по вкусу.

— За них доплачивать надо?

— Нет. Цена прежняя — два вэня за миску.

— Тогда мне всё сразу... — покупатель представил вкус и поколебался. — Нет, уксус пока не надо.

Вчера бинфэнь был сладким. Вообразить, что получится со сладким десертом после уксуса,

оказалось сложновато.

Цянь Лянцай сегодня пришёл рано и стоял вторым в очереди.

Он прекрасно слышал объяснение и сразу сказал:

— Мне одну только с сиропом. Одну с сиропом и уксусом. И одну со всем, кроме уксуса. Сыну — то же самое.

Чжан Бэйтин:

— ...

Он осторожно напомнил:

— У меня всего один стол.

За ним уже сидели дети.

Да и шесть мисок одновременно двумя руками не унесёшь.

— Всё в порядке! Мой сын уже там! — Цянь Лянцай с гордостью указал на стол.

Дундун оказался не менее сообразительным, чем отец. Стоило работнику постоянного двора поставить стол, как мальчик тут же занял место с краю, а отца отправил покупать.

Так и сидеть будет где, и бинфэнь получит одним из первых.

Чжан Бэйтин разложил шесть порций и добавил всё согласно заказу.

— Придётся вам самим перенести миски.

Без Сун Яньцина одному было тяжело обслуживать столько людей.

Получив десерт, Цянь Лянцай первым делом попробовал самый простой — только с сиропом.

Одной ложки хватило, чтобы понять, почему Дундун вспоминал его два дня подряд.

Уже один густой, насыщенный вкус сахарного сиропа был лучше ледяного супа из маша из

кондитерской Сюй.

А нежный, прохладный и скользкий бинфэнь запоминался после первой же миски.

Цянь Лянцай попробовал вариант со всеми добавками.

Маленькие таньюани были мягкими и упругими, кунжут и дроблёный арахис — ароматными и хрустящими. Вместе они делали текстуру десерта гораздо интереснее.

— Папа, я хочу ещё таньюани.

Цянь Лянцай посмотрел на три шарика, оставшиеся в собственной миске, и с явной болью пожертвовал сыну один.

Ему самому тоже нравилось.

Жаль, что в одной порции всего четыре.

Отец и сын смели все шесть мисок с такой скоростью, будто по ним прошёл ураган.

Дундун всё ещё облизывался.

— Самый вкусный тот, где всё сразу.

— Завтра придём ещё, — пообещал Цянь Лянцай.

— Хорошо. — Дундун кивнул и с сожалением добавил: — Жалко, мама не хочет с нами.

Его мать обычно любила сидеть дома, редко выходила и особенно не любила людные места вроде этого.

Цянь Лянцай вдруг о чём-то подумал.

— Пойдём. Возьмём дома одну вещь.

Прошло совсем немного времени, и отец с сыном снова появились перед прилавком.

Теперь Цянь Лянцай держал в руках миску размером почти с собственное лицо.

<http://bllate.org/book/20100/1989978>